

Московский педагогический
государственный университет

Д. О. Чураков

РАБОЧЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ

ФАБЗАВКОМЫ И РЕВОЛЮЦИЯ
1917-1918 ГОДЫ

Москва
2015

Димитрий Чураков

**Рабочее самоуправление
в России. Фабзавкомы и
революция. 1917–1918 годы**

«МПГУ»

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Чураков Д. О.

Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция.
1917–1918 годы / Д. О. Чураков — «МПГУ», 2015

ISBN 978-5-4263-0322-5

В монографии на материалах рабочего самоуправления периода Великой русской революции 1917 г. подвергается углублённому изучению формирование в нашей стране институтов гражданского общества, в частности таких, как фабрично-заводские комитеты. Анализируются влияние общинных традиций трудовой демократии на рабочее движение 1917 г., причины кризиса органов рабочего представительства после прихода к власти большевиков. Книга предназначена для специалистов, всех интересующихся родной историей, практиков рабочего движения, учителей школ, студентов исторических факультетов.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4263-0322-5

© Чураков Д. О., 2015

© МПГУ, 2015

Содержание

Введение	6
Крах властного начала и зарождение рабочего самоуправления	10
Первые шаги рабочего представительства	10
1. Двоевластие в провинции: революционная Москва	10
2. Начало фабзавкомовского движения	16
3. Фабзавкомы и национальное в революции 1917 года	22
В борьбе за «фабричную конституцию»	28
4. Задачи выживания	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Димитрий Чураков
Рабочее самоуправление в России:
фабзавкомы и революция.
1917-1918 годы: Монография

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»

Рецензенты:

А. М. Матвеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии
Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

В. Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МИГУ

Введение

Каждый исторический период бросает глубокую тень далеко в будущее. Часто само это будущее зависит от того, насколько полно и всесторонне оно смогло реализовать потенциал предшествующего исторического развития. Но особенно большое значение всегда имеют эпохи, когда на политическую арену врываются массовые силы, обычно малозаметные в повседневном движении истории. Речь идёт об эпохах революций. Среди них своё достойное место занимает русская революция 1917-1918 гг. Сегодня многое сделано для переосмысления той далёкой эпохи, но главное ещё предстоит сделать.

Важным направлением дальнейшего изучения революции 1917—1918 гг. является рассмотрение роли в революционных событиях российских рабочих, низовых рабочих организаций, наконец – рабочего контроля. Первые работы, посвященные этой проблематике, появились уже вскоре после неё. Часто публикации тех лет принадлежали участникам событий, воевавшим по разные стороны баррикад¹. В 1930-е годы количество монографий и статей по рабочей истории заметно сокращается, в результате изучения фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций было на некоторое время свёрнуто и продолжилось только во второй половине 1950-х гг.². Однако достаточно скоро политическая конъюнктура вновь изменилась. В 1985 г. начинается перестройка, а вслед за ней происходит поражение в «холодной войне» и насильственное упразднение Советского Союза. Эти события вызвали во всём мире кризис интереса к «классу-гегемону», каковым в СССР считались рабочие.

Лишь очень немногие историки в 1990-е гг. сохраняли верность выбранной тематике. И тем не менее можно констатировать как факт, что усилия одиночек-энтузиастов дали свои положительные результаты и не позволили прерваться преемственности отечественной историографии рабочего движения революционной поры³. Свидетельством роста интереса к данной тематике могут служить не только публикации документов и монографий. Важным проявлением выхода из кризиса стали регулярные «круглые столы» и конференции по проблемам рабочей истории. Одним из центров проведения подобного рода регулярных конференций становится Кострома⁴. В Москве начиная с 2000 г. при поддержке фонда «Альтернативы» в музее В. В. Маяковского, а в отдельные годы и на базе Московского педагогического государственного университета регулярно проводятся научные конференции по рабочей истории, по итогам которых выходят сборники материалов и документов⁵.

Несмотря на заметное оживление в последние годы интереса научной общественности к истории рабочего класса в русской революции 1917 г., состояние изученности проблемы на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным⁶. К числу таких малоизученных вопросов относится также анализ фабрично-заводских комитетов как органов рабочего производственного самоуправления, поскольку вся огромная литература прежних лет подходила к ним преимущественно с точки зрения их политической роли в революции, представляя их подчас некими «штабами революции».

Парадоксально, но похожая ситуация складывается и в зарубежной историографии. Традиционно зарубежные историки уделяли фабрично-заводским комитетам должное внимание, в том числе их участию в решении повседневных проблем рабочих, воздействию на общее экономическое положение в стране, а также взаимоотношениям с органами революционной власти⁷. Перспективные подходы демонстрируют и некоторые работы последних лет, вышедшие как за рубежом, так и в России для русскоязычной аудитории⁸. И тем не менее, по откровенному признанию одного из крупнейших корифеев в области изучения рабочего движения Д.

Щелла, рабочее самоуправление в русской революции 1917 г. как объект самостоятельного научного рассмотрения пока ещё не состоялось⁹.

Тем самым, целью данного исследования является заполнение образовавшегося пробела в изучении фабзавкомов как особой формы рабочего движения в период русской революции 1917 г. Центральным в монографии является раскрытие закономерностей развития органов производственной демократии и осуществляемого ими рабочего контроля. Рассмотрение затронутой в монографии проблематики выводит на решение нескольких более узких, конкретных задач. В частности, ставится задача по-новому поставить вопрос о предпосылках возникновения и последующего быстрого развития низовых органов рабочего самоуправления в первые недели после свержения самодержавия. Всесторонне разбирается тема национальной специфики рабочего движения в России. Рассматривается в исследовании и довольно запутанный в историографии вопрос о возможности в России в период революции создания механизмов межклассового партнёрства. Наконец, в контексте вопроса о характере и зрелости фабзавкомовского движения в монографии показаны причины и механизм кризиса рабочего самоуправления после Октября. Поскольку эта проблема комплексно также никогда прежде не рассматривалась, перед нами стояла задача показать как внутренние, так и внешние для органов рабочей самоорганизации тенденции развития, приведшие их к ослаблению.

Учитывая новизну собранных автором материалов, научную и общественную значимость затрагиваемых в монографии проблем, хочется верить, что предлагаемая читателям книга найдёт позитивный отклик коллег-историков, студентов, изучающих историю, участников современного профсоюзного движения, а также всех интересующихся отечественной историей и проблемами развития в России подлинного народовластия.

Примечания

¹ *Лозовский С. А.* Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920; *Плетнев В. Ф.* О рабочем контроле. М., 1918; *Фрумкин Б.* Руководство по рабочему контролю. М., 1918; *Томский М.* Очерки профессионального движения в России. М., 1924; *Рязанов Д.* Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. Харьков, 1923; *Панкратова А. М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; *Шмидт В.* Профсоюзы и Советская власть. М., 1927; *Мартов Ю.* Итоги войны и революции. М., 1918; *Далин Д.* После войн и революций. Профсоюзы в России в первые годы революции (1917-1921). Нью-Йорк, 1981; *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). CHALIDZE PUBLICATIONS, 1989.

² *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; *Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984; *Николаев П. А.* Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района в борьбе за победу Октябрьской революции (март-ноябрь 1917 г.). М., 1960; *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль (март-июль 1917 г.). М., 1971; *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март-октябрь 1917 г.). М., 1960; *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. М., 1974; *Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс. 1918-1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974; *Дробижев В. З.* Красногвардейская атака на капитал. М., 1976; *Трукан Г. А.*

³ Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975 и др. См.: *Киселёв А. Ф.* Профсоюзы и Советское государство (Дискуссии 1917—1920 гг.). М., 1991; *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Боткинском районе. Ижевск, 1992; *Ильюхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917-1922 гг.). Смоленск, 1998; *Филоненко А. Л.* ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998; *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999.

⁴ Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. В 2-х частях. Кострома, 2001; Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. В 2-х частях. Кострома, 2003.

⁵ Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Ред. А. В. Бузгалин, Д. О. Чураков, П. Шульце. М., 2002; Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность / Ред. А. В. Бузгалин, Д. О. Чураков. М., 2003; Рабочие России: исторический опыт и современное положение / Ред. Д. О. Чураков. М., 2004.

⁶ Подробнее историографию см.: *Чураков Д. О.* Изучение рабочей истории начала XX века: современная историография // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001; *Он же.* Рабочая история начала XX века глазами современных историков // Альтернативы. 2001. № 4; О субъективности источников и объективности интерпретации [Материалы «круглого стола» «Рабочий активизм в послереволюционной России»] // Отечественная история. 2002. № 2 и др.

⁷ *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962; *Ferro M.* La Revolution de 1917. R., 1980; *Addison Ch.* Four and Half Years. A Personal Diary from June 1914 to January 1919. Vol II. L., 1934; *Abendon W.* A Shot History of European Working Class. © NBL. 7 C. S. London, 1972; *Avrich P.H.* The Bolshevick and Worker's Control in Russian Industry // Slavic Review. March. 1963. Vol. XXII.¹ 1. P. 60-61.; *Avrich P.H.* Russian Factory Committees in 1917 // Jahrbucher fur Geshichte Osteuropas. H. 2. Wisbaden, 1963. *Bunger S.* Die sozialistische Antikriegsbewegung in Grossbritannien. 1914-1917. B. 1967; *Keep J. L. H.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York, 1976; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Pristoen. 1981. P. 107; *Hill Ch.* Lenin and the Russian Revolution. Cox & Wyman Ltd. London, 1971; *Liebman M.* The Russian Revolution / New York, 1970; *Gerschenkron A.* Wirtschaftliche Ruckstandichkeit in historischer Perspektive // Geschechte und Okonomie / Hrsg. H.-U. Wehler/ Koln, 1973; *Wright. A. W.* Guild Socialism Revisited // Journal of Contemporary History. L., 1974. Vol 9. N 1. и др.

⁸ *Поспеловский Д.* На путях к рабочему праву. Профсоюзы в России.: Франкфурт-на-Майне, Посев, 1987; Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы / Под ред. М. С. Бернштама. Париж, 1981; *Галили З.* Лидеры меньшевиков в Русской революции. М.: Республика. 1993; *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2. С. 112-135; № 3. С. 116-137; *Shkliarevsky G.* Labor in the Russian Revolution. Factory Committees and Trade Union 1917-1918. N. Y., 1993 и др. В частности, В. Хазбанд, предвосхищая некоторые сюжеты новейшей историографии, в том числе ставшую осевой проблематику монографии А. Ф. Киселёва о государственности рабочих организаций, отмечает, что предреволюционные надежды на рабочий контроль снизу уже в первый год большевистской диктатуры показали свою несостоятельность. Так, попытки союза текстильных рабочих, попытавшегося после Октября принять власть над своей отраслью промышленности, не увенчались успехом, поскольку не удалось наладить достаточно эффективную систему управления, и об осуществлении первоначальных замыслов приходилось только мечтать. Хазбанд констатирует также факт постепенного подчинения советской экономики логике бюрократического стиля руководства, обосновывая эти свои выводы преимущественно на деятельности ВСНХ и Центроткани (См. *Husband. William B.* Revolution in the Factory. The Birth of Soviet Textile Industry. 1917-1920. New York-Oxford. Oxford University press. 1990. R 86-87).

⁹ Более того, Сцелл отмечает, что проблематика рабочего самоуправления и рабочего контроля остаётся недостаточно разработанной не только в исследованиях, посвящённых конкретным эпохам и странам, но даже в целом, на теоретическом уровне: «Многочисленность и разнообразие концепций обнаруживается в используемых терминах, которые тесно связаны с темой, – пишет он. – Приведенный ниже список, вероятно, далеко не полон: участие,

контроль работников, самоуправление, управление работников, самоуправление работников, участие работников, информация, совместное принятие решений, партнерство, совместные консультации, совместное заключение сделок, промышленная демократия, организационная демократия, демократия на рабочем месте, контроль работы, кооперативы (потребительские, производственные, сервисные, жилищные...), кооперация, совместные решения, совместное управление, комитеты, совместное наблюдение, участие в наблюдательном совете, распределение прибыли, работники-акционеры, совместная собственность, совладение, социальная собственность, системы участия в управлении, организационное развитие, (полу) автономные группы, кружки качества, участие в формировании бюджета, самоопределение, социализация, национализация, самооборона, рабочие делегаты, управляющие на предприятии, представители работников, временное владение предприятием, общая забастовка, совет работников, совет завода, директор завода, экономический и социальный советы, демократия советов, самоуправление, самоадминистрирование, самоуправительство, самодоверие, правительство округа; прямое управление, автономия, автаркия, самоорганизация, (свободная) ассоциация, равноправие, советы, коммунизм советов, профсоюзы, коммунуны (в труде, в собственности, киббутцы)...» (См.: *Сцелл Д.* Участие, контроль работников и самоуправление. М., 1994. С. 6, 13, 14 и др.).

Поскольку обобщающих работ о закономерностях развития органов самоуправления в 1917 г. пока не появилось, некоторые терминологические недоразумения, действительно, возникают. Чтобы избежать их в нашей работе, вскользь обозначим, что будет в ней пониматься под термином «рабочее самоуправление» и некоторыми близкими к нему понятиями. Наиболее широким среди них является понятие «рабочая самодеятельность». Оно подразумевает под собой всякую самостоятельную деятельность рабочих как особого социального слоя. Если же перед нами деятельность рабочих, направленная на создание ими своих самостоятельных структур, то в этом случае правильным будет более узкий термин «рабочая самоорганизация». Ещё одно важное понятие, о котором следует упомянуть – «рабочее представительство», обозначающее пролетарские организации, защищающие интересы рабочих при взаимодействии с прочими социальными силами. Понятно, что перед нами понятия близкие, почти синонимы. Это же касается и термина «рабочее самоуправление», который включает в себя все перечисленные признаки и поэтому является как бы интегрирующим. Кроме того, можно добавить, что обозначаемые им отношения полностью лежат в плоскости власть-подчинение. Таким образом, применительно к русской революции 1917 г. под «рабочим самоуправлением» следует понимать организационную деятельность рабочих, направленную на отстаивание ими своих классовых интересов, а также на решение своих внутренних проблем в отдельных производственных и профессиональных рамках.

Крах властного начала и зарождение рабочего самоуправления

Первые шаги рабочего представительства

1. Двоевластие в провинции: революционная Москва

По меткому замечанию известного советского историка Л. М. Спирина, в Москву и прочие города Центрально-промышленного района (ЦПР) революция 1917 г. «пришла то телеграфу». Основные события в регионе, как и вообще в русской глубинке, начали разворачиваться, когда в столице многое уже прояснилось¹. В своей телеграмме от 28 февраля 1917 г. командующему войсками Московского военного округа генералу И. И. Мрозовскому начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. А. Алексеев практически непосредственно в предверии событий пытался наметить самые необходимые меры, чтобы хотя бы на московском рубеже задержать начавшийся процесс разрушения власти. Алексеев требовал принятия всех возможных мер для обеспечения работы Московского железнодорожного узла и непрерывного подвоза продовольствия, так как «первые беспорядки в Петрограде возникли из-за недостатка хлеба для наиболее бедной части населения»². Генерал Мрозовский был наделён чрезвычайными полномочиями. По приказу Ставки Москва объявлялась на осадном положении, митинги и демонстрации запрещались³. Но было уже поздно, в своей телеграмме в Ставку Мрозовский сообщал, что, несмотря на сохранявшее вплоть до 27 февраля спокойствие в городе, к полудню 28 февраля бастовали уже все заводы, обезоруживались одиночные городские, начался многотысячный митинг у Городской думы⁴.

К ночи 28 февраля ситуация в Москве становится более накалённой. Около полуночи происходит столкновение 1-й артиллерийской бригады, направлявшейся к Городской думе, с двумя взводами жандармов⁵. Утром улицы Москвы начинают заполняться рабочими, покинувшими цеха и рабочие предместья. Демонстрации с красными знамёнами и пением революционных песен начинают стягиваться к центру города. В районе Яузского моста шествие рабочих было остановлено полицией. Помощник пристава, убивший во время попыток рассеять демонстрантов молодого рабочего Иллариона Астахова, был сброшен в реку, полицейский кордон смят. Столкновения рабочих с полицией происходят и в районе Каменного моста. Однако к этому времени солдаты нескольких полков отказались выйти из казарм для «подавления» беспорядков, а без использования армии попытки хоть как-то утихомирить улицу были уже бесплодны. В донесении генерала Мрозовского в Ставку 1 марта ситуация подавалась по-военному чётко: «В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров»⁶. 2 марта 1917 г. всё было закончено, в руках восставших оказались важнейшие объекты города – почта, телеграф, телефон, Кремль, арсенал, вокзалы, охранное отделение⁷. Бывший губернатор М. Н. Татищев и бывший градоначальник были арестованы. Под арестом оказался и командующий округом⁸.

Как и повсюду, в ЦПР февральско-мартовский переворот означал радикальное упразднение прежних структур и органов управления. Но это ещё не решало главного, по определению В. И. Ленина, вопроса всякой революции – вопроса о власти⁹. Двоевластие – вот что сразу и на долгие месяцы определило специфику российской революции 1917 года.

Вероятно, со временем придётся отказаться от уже устоявшейся в науке концепции «двоевластия», по крайней мере, пересмотреть её. Некоторые исследователи уже сейчас не отрицают того факта, что для *провинции* понятие «двоевластие» не даёт возможности адекватно отразить происходившие там политические процессы и что на местах организация системы управления приобрела значительно более сложную конфигурацию¹⁰. Всё это заставляет сегодня внимательнее отнестись и к самому понятию «двоевластие», и к тому явлению, которое стоит за ним. Не случайно современники революции уже тогда говорили о десятивластии, как это делал кадет Е. Н. Трубецкой, о многовластии, как это делал лидер партии Народной свободы П. Н. Милюков, а то и просто о безвластии, как это делал комиссар Саратовской губернии Н. И. Семёнов. По сути, как справедливо отмечает Г. А. Герасименко, в тот момент на власть претендовали все партии, организации и учреждения и соотношение между ними складывалось самое разное¹¹.

Какими путями в дальнейшем вероятнее всего пойдёт изучение двоевластия? Представляется, что с методологической точки зрения много интересного и нового в понимании этой проблемы может дать взгляд на русскую революцию 1917 г. как на *революцию самоуправления*. Процесс формирования новой государственности в силу ряда обстоятельств изначально шёл и сверху, и снизу. Причём снизу в этом процессе участвовали гораздо более широкие демократические слои, что при определённых условиях могло существенно стабилизировать новую власть и нивелировать разбухшие революцией антагонизмы. Общие для страны закономерности особенно наглядно проявились в сердце России – Москве и фабрично-заводских городах и посёлках, прилегающих к ней.

Первоначально, так же как и в столице, в провинции на первые позиции в организации новой власти выдвинулись те учреждения, которые действовали ещё до революции и хоть в какой-то мере зарекомендовали себя в политической жизни, в частности, в Москве, таким средоточием общественной жизни в первые дни революции сделалась Городская дума¹². Как и другие подобные органы городского самоуправления в царской России, Московская городская дума находилась под сильным влиянием консервативных кругов¹³. Тем не менее кризис самодержавия в последние месяцы его существования был столь глубок, что прошедшие в декабре 1916 г. перевыборы в Московскую городскую думу принесли убедительную победу кадетам. Из 160 мест они получили 149. Петербургское правительство в сложившейся ситуации предложило Московскому по городским делам присутствию новый состав думы не утверждать. Страсти, бушевавшие вокруг Московской городской думы на рубеже 1916-1917 гг., и делали её центром притяжения революционных симпатий как непосредственно перед свержением царизма, так и в первые несколько дней после него¹⁴.

Однако очень скоро либеральным деятелям пришлось задуматься над тем, как в условиях нарастающей анархии сохранить хоть какую-то организованность в действиях революционных сил и не упустить лидерство из своих рук. Выход был очевиден – необходимо было срочно приступить к формированию институтов новой, революционной, власти. Инициативу в этом вопросе в Москве первоначально взяли на себя круги, близкие к Земгору, Московскому военно-промышленному комитету, кооперации и подобным им общественным межпартийным организациям. Один из наиболее ранних шагов, направленных на формирование новой власти, относится к 27 февраля 1917 г., – в этот день в 12 часов пополудни на квартире П. П. Рябушинского состоялось совещание членов Всероссийского союза торговли и промышленности. На нём было принято решение о создании Комитета общественных организаций Москвы (КООМа). Вечером того же дня решение это начало проводиться в жизнь на совещании в Московской Городской думе. Присутствовавшие на нём общественные деятели второй столицы, в том числе прежний городской голова М. В. Челноков, постановили избрать особый *организационный комитет*, в задачи которого входили недопущение анархии и организация власти¹⁵.

На следующий день выбранное накануне бюро в составе 28 человек в помещении Думы продолжило работу по организации КООМа. Параллельно с этим обсуждение вопросов организации новой власти в городе продолжилось на экстренном заседании бюро Московского военно-промышленного комитета (МВПК). Выступившие на нём С. А. Смирнов и П. П. Рябушинский сообщили о том, как идёт в городе процесс конструирования новой власти. Их доклады были встречены с одобрением¹⁶. По итогам обсуждения МВПК принял специальное заявление, вскоре опубликованное в прессе. В нём московские торгово-промышленные круги выразили полную поддержку происходящим в стране переменам¹⁷. В тот же день аналогичное собрание провели члены Главного комитета Земского союза, где так же была поддержана идея создания в городе революционной власти. При этом подчёркивалось, что «*московское губернское земство должно участвовать в объединяющем органе*»¹⁸. Усилия цензовых элементов завершились успехом, и 28 февраля КООМ был создан¹⁹.

Таким образом, создание Комитета общественных организаций Москвы явилось не таким уж стихийным, как это могло бы показаться на первый взгляд. Более того, как странно это ни покажется сегодня, в его формировании принимали участие не только разного рода организации цензовых элементов, и прежде имевшие определённое влияние на государственные структуры, – немалую активность в создании этого органа «революционного представительства» проявили и прежние органы власти, которые, казалось бы, должны были придерживаться контрреволюционных, реставраторских позиций. Первое заседание КООМа открылось в 5 часов дня 1 марта 1917 г. В его состав входили представители от Городской думы, городской управы, от земств, Земгора, ВПК, кооперативных, биржевых, общественных и рабочих организаций. Производятся выборы в президиум Комитета: председателем становится С. Н. Прокопович, его заместителями – И. И. Егоров и Н. М. Кишкин. Позже проходят выборы во Временный исполнительный комитет КООМа и его Президиум, здесь руководящие лица остаются теми же, но теперь председательское кресло достаётся Кишкину. На первом же собрании КООМа было решено «объединить всю власть над городом Москвой». Несколько позже публикуется специальное воззвание к населению города, в котором подчёркивалось, что все распоряжения Комитета подлежат безусловному исполнению всеми учреждениями и лицами²⁰.

В течение марта 1917 г. аналогичные органы управления возникают в Костроме, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве и во всех прочих губернских и уездных городах ЦПР. Всего же по стране, по сведениям МВД, тогда было образовано 79 губернских, 651 уездный и около тысячи волостных исполнительных комитетов. Их социальная база была существенно шире, чем у прежних земских учреждений, довольно аристократических и консервативных по своему составу. Демократический социальный состав Комитетов Общественной Безопасности (КОБов) позволил сегодня некоторым исследователям ввести в их отношении такой современный термин, как «антицаристский» или даже «народный фронт»²¹. В Иваново-Вознесенске, например, в созданном 3 марта 1917 г. Революционном КОБе действовало 15 большевиков²². В Комитет московских общественных организаций также входили представители Московского Совета рабочих депутатов, довыборы которых прошли 2 марта. Среди депутатов КООМа были и большевики Ногин и Смидович. Как справедливо пишет по этому поводу американский исследователь Д. Дж. Рейли²³, участие большевиков в КОБах, как правило, критически оценивалось советскими историками, исключение составляет только В. И. Старцев, полагавший, что только в Петрограде не было создано коалиционного органа местной власти, подобного КОБам²⁴.

Вместе с тем демократизм большинства КОБов переоценивать не приходится, поскольку жесткая привязка ими своей политики к Временному правительству, патронаж над ними со стороны таких деятелей, как Кишкин, Третьяков, Астров, Рябушинский, сводили на нет весь их

демократический потенциал, действительно немалый²⁵. Интегрированность в общую систему буржуазной власти постепенно привела КОБы к затяжному кризису И тем не менее Временное правительство встретило появление КОБов с недоверием. Поэтому в первые же дни революции оно берётся за конструирование института собственных представителей на местах.

Ставший министром-председателем Временного правительства и, по совместительству, министром внутренних дел, князь Львов, как старый деятель земского движения, видел будущее местного управления в реформировании земств. И сейчас, в критический для революции момент, он решает опереться на земское движение и своих прежних соратников. И здесь, как нельзя более кстати, для Львова оказывается московский опыт.

Официальным представителем новой власти, комиссаром Временного правительства по Москве в те дни становится бывший городской голова М. В. Челноков. Об этом уже в ночь на 2 марта была получена соответствующая правительственная телеграмма за подписью Родзянко²⁶. Тогда же Временный комитет Государственной Думы назначает прежнего председателя земской управы А. Е. Грузинова комиссаром Государственной думы по управлению Московской губернией. Вскоре, однако, он оставляет этот пост, поскольку назначается на должность командующего войсками Московского военного округа. Освободившуюся вакансию занимает его заместитель М. А. Нарожницкий, первым актом которого становится назначение временных уездных комиссаров, также из числа прежних земцев.

По образцу Москвы Львов попытался провести реформу местных органов власти во всероссийском масштабе, и 5 марта 1917 г. МВД была разослана специальная телеграмма, в которой власть на местах передавалась комиссарам Временного правительства. Это был основной правовой акт, определивший судьбу административной власти на первом этапе революции. Как подчёркивает Г. А. Герасименко, он сразу же оказался мишенью острой критики, поскольку современники понимали его разрушительное влияние на те хрупкие ростки демократии и единства народа, которые обозначились в ходе революции. Так, председатель Московского губернского исполнительного комитета В. А. Левицкий говорил: «На местах принимали все меры, чтобы организовать жизнь, а со стороны Петрограда ничего не делалось к тому, чтобы создать контакт между центром и провинцией. Наоборот, действия Петрограда эти местные действия разлагали»²⁷.

Едко высказывались о шагах Львова по распространению московского опыта на всю страну и некоторые другие его сподвижники. К примеру, в вышедшем в Берлине в 1921 г. I томе «Архива русской революции» была помещена небольшая работа В. Д. Набокова «Временное правительство». В ней он откровенно называл телеграмму Львова «одним из самых неудачных» шагов мартовских либералов, «необдуманной и легкомысленной импровизацией»²⁸. П. Н. Милоков был ещё категоричнее, когда утверждал, что эта мера, отменив законную власть на местах, вызвала путаницу во всех органах управления²⁹. Милоков, правда, умалчивал, что гораздо большую «путаницу во всех органах управления» вызвала «отмена» законной власти в центре, к чему он сам имел самое непосредственное отношение³⁰, однако в общем с его оценкой трудно не согласиться. Тем не менее реформа, предложенная кн. Львовым, активно шла, и помимо Москвы правительственные комиссары появляются в других городах ЦПР. В Тверской губернии им становится председатель местного комитета кадетской партии А. А. Червен-Вода-ли, в Нижнем Новгороде – кадет Демидов, в Ярославле – пошехонский помещик Черносивитов³¹. Во Владимире, Туле и других городах у кормила власти оказывается председатели губернских управ и городские головы, многих из которых кн. Львов знал лично по прежнему земскому движению³².

Важной чертой произошедшего в феврале-марте переворота становится попытка торгово-промышленных классов и приближённых к ним групп интеллигенции максимально рас-

пространить своё влияние не только на власть в целом, но и через союзнические им группы в кругах социалистов также и на рабочее движение. Тема эта ещё ждёт своего подробного изучения, но сам факт попыток «оседлать» рабочее движение со стороны либеральных кругов важен для понимания и некоторых сторон вопроса об эволюции на протяжении 1917 г. органов рабочего представительства, в том числе фабзавкомов, в частности, для анализа их автономной роли в развитии революции.

Каналами влияния на рабочее движение на первом этапе революции служили не только больничные кассы и другие существовавшие прежде легальные организации, но и Советы, ставшие позже прообразами будущей власти, что также вносит некоторую новизну в изучение проблемы двоевластия. Зачастую Советы рабочих депутатов в первые дни после падения самодержавия образовывались не только в результате инициативы низов, о чём прежняя отечественная историческая литература писала много и подробно³³, но и в достаточной степени искусственно, и контролировались не рабочими, а партийными активистам³⁴. К примеру, Временный исполком Петросовета был самообразован группой меньшевиков из Центрального военно-промышленного комитета и думской фракции совместно с левыми журналистами, попавшими в Таврический дворец в поисках сенсаций³⁵. В Москве предшественник Совета рабочих депутатов Временный революционный комитет, начавший работу в ночь с 27 по 28 февраля в помещении Городской думы, также был самообразован рабочей группой местного ВПК. В него, так же как и в столице, вошли различного рода кооператоры, студенты и другая «чистая» публика³⁶. Только потом, когда 1 марта состоялось первое заседание образованного на базе ВПК Моссовета, состав его начал пополняться рабочими и служащими московских предприятий³⁷.

По похожему сценарию события разворачивались и в прочих городах и рабочих посёлках Центральной России. В них, как правило, роль надпартийных центров играла потребительская и рабочая кооперация. Подробно писавший об этом А. В. Лубков отметил весомое участие в формировании подобных межпартийных центров таких видных деятелей революции 1917 г., как член ЦК партии кадетов, председатель московского общества потребителей «Кооперация» князь Д. И. Шаховской, его заместители по правлению эсер А. В. Меркулов и большевик И. И. Скворцов-Степанов, а также таких кооператоров, как А. А. Кизиветтер, Н. В. Чайковский, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др. Как только весть о революции достигла Москвы, руководством московских кооперативов были разосланы телеграммы с извещением о характере и масштабах событий в столице. В них местным кооперативным союзам предлагалось инициировать создание революционных органов власти³⁸. Известный кооператор В. А. Кильчевский позже уверял, что если бы был произведён цифровой учёт участия различных структур в «устранении старых властей», то кооперация заняла бы «одно из первых, если не первое место» – и это замечание нельзя считать пустым бахвальством, оно вполне адекватно передавало дух происходивших событий и характер революции 1917 г. как *революции самоуправления*³⁹.

Действенная практика кооператоров сводилась к проникновению во все новые органы власти, продвижению на руководящие посты «своих» людей. Так, в Кинешме созданный Революционный комитет общественной безопасности возглавил председатель местного союза кооперативов меньшевик А. С. Колодин, а Совет рабочих депутатов – инструктор того же союза меньшевик Я. А. Савченко. Сыграли свою роль кооператоры и в самой Москве. Здесь упомянутый выше ВПК всё время его существования возглавлялся членом правления общества «Кооперация» А. М. Никитиным. Вскоре Никитин делается первым председателем Моссовета. После того как 5 марта 1905 г. он становится руководителем Комитета общественных организаций, председателем Моссовета избирается другой кооператор – меньшевик Л. М. Хинчук, одновременно являвшийся членом бюро Московского союза потребительских обществ. Его заместителями становятся внефракционный социал-демократ, руководитель Союза рабочих

кооперативов Москвы И. И. Егоров, а также большевик В. П. Ногин, до переворота занимавший должность секретаря неторгового отдела общества «Кооперация»⁴⁰.

«Легко и красиво», по определению журнала «Объединение», «взяли в свои руки власть» кооператоры Тулы⁴¹. Провозгласили 3 марта создание Совета рабочих депутатов кооператоры Твери и вошли в него. В целом же по району инструкторы Московского областного бюро Советов (Мобюс) в своих отчётах отмечали особое значение кооперации в организации власти в Ярославле, Ростове Великом, Иваново-Вознесенске, Твери, Туле, Костроме, Кинешме, Шуе, Кольчугине, Переяславле-Залесском, Кашире, Вышнем Волочке, Смоленске⁴². Не секрет, что ещё до переворота многие из деятелей рабочей кооперации, рабочих групп ВПК и других подобных объединений были тесно связаны с руководством Прогрессивного блока⁴³. Поэтому «передачу» Советами власти Временному правительству можно считать скорее заранее предусмотренным шагом, чем «парадоксом Февральской революции», как называл это событие Л. Троцкий⁴⁴.

Окончательно институты новой власти и самоорганизации общества складываются в Центральной России вскоре вслед за Петроградом. Положение здесь многим напоминало происходившее в столице, но в некоторых важных аспектах было более сложным, что было связано с неопределённостью первых шагов революции в Петрограде и плохо налаженным информационным обменом. *В Москве и многих других городах Центрально-промышленного района власть пришлось делить не только и не столько между буржуазными и советскими органами власти, сколько между органами, возникшими на демократической основе, и органами, авторитарно назначенными из центра.* Причём, это противостояние проявилось и внутри самого либерального лагеря. В этом сразу же проявилась *специфика двоевластия в провинции.* Но в целом в ЦПР, за исключением Иваново-Вознесенска, где голод создавал плохой фон для общественного успокоения, и ещё некоторых городов, где положение было столь же тяжёлым, буржуазии удалось внешне стабилизировать власть.

Ещё более отчётливо, чем в Петрограде, где из общего ряда продолжали выделяться своим радикализмом анархисты, левое крыло эсеров и, в особенности, влиятельное Русское бюро ЦК РСДРП (б), первые недели в Центральной России проявились тенденции на солидаризацию в политической элите. В этом ключе очень сложно однозначно согласиться с существовавшими ранее в исторической науке оценками, согласно которым после февраля происходит резкий сдвиг политического спектра влево в результате ликвидации черносотенных организаций и исчезновения буржуазных партий правее кадетов. В реальности обстановка развивалась значительно более противоречиво. Наряду с этим внешним поведением, происходил и глубинный сдвиг вправо всех политических партий тогдашней России. Центризм и соглашательство стали в среде партийной интеллигенции как бы признаками хорошего тона.

В Москве, впрочем, тоже не обошлось без всплеска крайних настроений и демаршей на манер призывов выборгских большевиков, требовавших немедленного перехода власти к советскому рабочему правительству⁴⁵. Например, ориентировавшееся влево Московское бюро ЦК РСДРП (б), руководившее партийными организациями всего ЦПР, в воззвании к рабочим Москвы и области 28 февраля призвало к созданию Временного революционного правительства, очевидно, подконтрольного социалистам⁴⁶. Однако эти настроения в Москве были вскоре преодолены, что также выдавало некую провинциальность Московского региона и специфичность протекавшего в нём политического процесса. Даже несмотря на то что в Моссовете самой многочисленной партией были большевики (205 депутатов, меньшевики имели в нём 172 места, эсеры – 110, ещё по несколько представителей в нём имели другие партии), его политика была умеренной, и дело было не только в формальном преобладании соглашательских элементов, но и в особенностях мартовской тактики самих большевиков, до приезда Ленина совершавших общий для всех социалистов дрейф вправо.

Но означала ли такая «идиллия» в партийном истеблишменте страны окончательное «замирение» вышедших из берегов стихий? Не была ли неурегулированность институциональных, психологических и социальных проблем причиной дальнейшей радикализации масс? Исследователи спорят об этом⁴⁷. Не предрешая итогов этой полемики, отметим, что попытка деятелей политических партий взять всё революционное движение под свой контроль серьёзно контрастировала с природой революции. Вступали в противоречия авторитарные тенденции в области управления и с той ситуацией многовластия, которая серьёзно ослабляла новую революционную государственность и, по сути, создавала ситуацию перманентного кризиса власти. В результате всего этого, к уже имевшимся в обществе точкам неустойчивости добавлялась ещё одна, а именно: быстро обострявшееся противоречие между всё более инертными политическими верхами и всё более социально-активными низами.

2. Начало фабзавкомовского движения

После февральско-мартовской революции как бы само собой напрашивалось, что наследницей свергнутого строя должна стать молодая российская буржуазия. Именно она, с опорой на либеральные круги высшей бюрократии, валила вековое дерево российской монархии, занимала ключевое положение в экономике, имела влиятельных покровителей в странах-союзниках. Буржуазия обладала немалым опытом управления государством, который, как писал В. М. Чернов, она приобрела «и в органах самоуправления, городских думах и земствах, и в четырех последовательных Государственных думах, во всевозможных парламентских комиссиях, разрабатывая вместе с министрами бюджеты ведомств и контролируя их работу»⁴⁸.

Стремление буржуазии к власти было совершенно осознанным и подкреплялось целенаправленным напором. Где силой, где путем компромиссов буржуазия захватывала власть в свои руки. Так было и в центре, где заработало буржуазное Временное правительство. Так было и на местах. Но с развитием революции произошло то, что никак не укладывалось в привычные схемы «революционеров во фраках». Отстранив продуманным натиском царя, буржуазия осталась один на один с рабочим движением. Массовые выступления рабочих ещё вчера охотно использовались ею для шантажа слабевшего монарха с целью ускорить его отречение. Теперь же, неожиданно для либералов, отдельные вспышки недовольства развернулись в действительно широкое народное движение.

Стремительно разрасталась сеть Советов. Вслед за возникшими соответственно 27 февраля и 1 марта 1917 г. Петроградским и Московским Советами 2 марта организуется Совет рабочих депутатов в Нижнем Новгороде и Харьковский совет рабочих депутатов, 3 марта Советы начинают действовать в Омске и Нарве. 4 марта состоялось учредительное собрание Уральского Совета рабочих депутатов, объявившего себя руководящим органом революционного пролетариата. Уже в первых числах марта возникло более 50 Советов рабочих депутатов. Помимо только что названных городов, они начали действовать в Иваново-Вознесенске, Костроме, Твери, Ярославле, Воронеже, Нарофоминске, Серпухове, Шуе, Кимрах, Астрахани, Саратове, Екатеринодаре, Армавире, Перми, Томске, Чите, Уфе, Хабаровске, Ростове-на-Дону и других крупных пролетарских центрах. О темпах советского строительства свидетельствуют следующие цифры: на прошедшей в Донбассе 15-17 марта конференции Советов присутствовали представители 48 Советов, а на состоявшейся в конце марта Московской областной конференции Советов присутствовали представители 108 Советов⁴⁹. Согласно обобщающим данным, которые получены советским историком И. И. Минцем, в общей сложности в марте 1917 г. в стране возникло около 500 Советов, в том числе 242 чисто пролетарских Совета⁵⁰.

Больших успехов достигло профсоюзное строительство. В Москве уже 2 марта 1917 г. состоялось первое организационное собрание профессиональных союзов, в работе которого

участвовало 25 представителей от рабочих союзов города. 3 марта возникает союз железнодорожников в Мурманске. 12 марта создают своё профессиональное объединение рабочие судоходных предприятий Северодвинска. На 19 марта приходится рождение профсоюза металлистов Омска⁵¹. В Петрограде ко дню своего учредительного собрания 29 марта союз металлистов уже насчитывал 16 243 члена⁵². Из всех сложившихся в 1917 г. профессиональных союзов 51% начали действовать уже в марте-апреле. За эти два месяца в Петрограде рабочие успели создать 60 союзов, наиболее крупными из которых выступали союз металлистов (54,5 тыс. членов), текстильщиков (18 тыс.), кожевников (15 тыс.), деревообделочников (15 тыс.) и др. В Москве в марте-апреле действовали 50 союзов. Крупнейшими из них вновь оказался союз металлистов (40 тыс.), следом за ним по численности шли союзы текстильщиков (25 тыс. членов) и портных (18 тыс.). В Твери возникло 15 профессиональных союзов, объединивших 25 тыс. членов. В Ярославле профстроительством было охвачено 37 тыс. человек, объединившихся в 31 союз. Столь же уверенно профдвижение укреплялось в эти дни и в других регионах страны: в Ростове-на-Дону оформилось 21, Оренбурге – 10, Омске – 32, Красноярске – 14, Владивостоке – 17, в Томске, Барнауле, Новониколаевске – свыше 50 профессиональных союзов. Организационный бум по созданию профсоюзов, по свидетельству современных историков, продолжался и летом 1917 года⁵³. К этому моменту общее количество членов профессиональных объединений рабочих приблизилось к полутора миллионам⁵⁴.

Вспоминая дни, последовавшие за свержением самодержавия, видный профлидер П. Гарви вспоминает о них как о времени настоящего организационного «грюндерства», охватившего всю вздыбленную революционным подъёмом страну⁵⁵. Бурно развивавшееся движение рабочего класса России со временем вело к возникновению форм, мало подконтрольных организационным усилиям либералов и правых социалистов. Среди новых революционных организаций низов важное место сразу же заняли *фабрично-заводские комитеты*, создаваемые самими рабочими на предприятиях в трудовых коллективах⁵⁶, за что их с момента возникновения называли «детьми революции»⁵⁷.

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники рисуют противоречивую картину их развития в первые недели революции. Уже 28 февраля избирается завком на Люберецком заводе международной компании жатвенных машин. 6 марта образовывается заводской комитет на Крамеровском предприятии, а 9 марта – на заводах Михельсона и «Динамо». На заводе бр. Бромлей выборы завкома состоялись, по воспоминаниям рабочего этого завода Богдановича, 7 марта 1917 г.⁵⁸ О создании заводских комитетов на заводе Хитина, где работало 300 рабочих, и на фабрике Коликова, численность работающих на которой составляла около 100 человек, писал в первых числах марта «Социал-демократ»⁵⁹. Тогда же начинают свою деятельность фабкомы на Даниловской и Рябовской фабриках, на мануфактуре Циндыля и целом ряде других предприятий⁶⁰.

Практически в самом начале революции, а именно 3 марта, вопрос о создании фабзавкомов в старой столице обсуждался на пленуме Моссовета. Представители районов докладывали об образовании рабочих организаций на большинстве предприятий и о создании районных фабзавкомовских структур⁶¹. 17 марта на заседании Совета рабочих депутатов Городского района было сообщено, что в районе 63 комитета уже действуют и на 20 предприятиях они находятся в процессе становления⁶². В заметке «Известий Московского Совета рабочих депутатов» за 19 марта 1917 г. сообщалось о том, что в Сокольническом районе фабзавкомы были избраны практически на всех предприятиях⁶³.

В первой половине марта возникают фабкомы в Канавинском районе Нижнего Новгорода на заводах Биржевого общества, «Новая Этна», «Фельзер», Доброва и Набгольца, Отто

Эрбе и прочих предприятиях. Тогда же создаются комитеты на Сормовском, Коломенском, Кулебакском и ряде тульских заводов, немного позже – на семи заводах Мальцевского акционерного общества в Кольчугине и Выске⁶⁴. Идет создание фабзавкомов в Ярославле⁶⁵. 27 апреля происходит первое заседание фабричного комитета т-ва Иваново-Вознесенской ткацкой фабрики⁶⁶. Возникает рабочий комитет фабрики Кашина в Костроме⁶⁷. Тогда же организуется комитет рабочих Покровской мануфактуры Дмитровского уезда⁶⁸. Временный исполнительный комитет был создан на мартовском митинге рабочими Вознесенской мануфактуры в с. Нарофоминском Веретейского уезда Московской губернии, о чём и сообщалось в письме фабкома Московскому областному бюро Советов⁶⁹. Избираются первоначально Совет, а вслед за ним фабком на крупнейшем предприятии Бронницкого уезда той же Московской губернии – фабрике товарищества «П. Малютина сыновья»⁷⁰.

Вместе с тем источники показывают не только широту процесса возникновения фабзавкомов, но также и его крайнюю хаотичность. Единства не наблюдалось ни в чем. Разнились состав, механизмы и сроки формирования фабрично-заводских комитетов. Фабзавкомы образовывались «явочным порядком»⁷¹, без единого плана, отсюда различным был уже сам характер их возникновения: чаще всего это происходило мирно, как на Рускабеле в Москве, о чём рассказывается в книге «Шесть лет на революционном посту»: «1 или 2 марта собрались представители цехов в количестве 18 человек в столовке для служащих и стали закладывать фундамент власти трудящихся. В тесной, страшно накуренной столовой сидели неумытые, черные после работы, не чувствуя усталости, представители от цехов»⁷². Где-то фабзавкомы, наоборот, зарождались в обстановке совсем не мирной, и тогда рабочим приходилось создавать органы своей самоорганизации с применением силы. По свидетельству И. Миритеева, так произошло, например, на его родном Люберецком заводе, где рабочие для выборов комитета захватили клуб завода⁷³. Случалось также, что фабзавкомы получали возможность функционировать «путем сепаратных переговоров с отдельными группами предпринимателей»⁷⁴. В других же случаях после выхода закона 23 апреля 1917 г. о заводских и фабричных комитетах владельцы предприятий сами навязывали рабочим выборы в эти комитеты на своих предприятиях в надежде получить ещё один рычаг контроля над рабочей активностью, как это произошло на фабриках т-ва Новинской мануфактуры Московской губернии⁷⁵.

Столь же стихийно на большинстве фабрик и заводов ЦПР складывалась система выборов в рабочие комитеты. Так было, в частности, на фабрике Хлебникова в Москве⁷⁶, на фабрике бр. Бузиных во Владимирской губернии и на ряде других предприятий⁷⁷. В других случаях могло происходить иначе. Например, завкомы на «Динамо» и Военно-артиллерийском заводе состояли из представителей отдельных мастерских и цехов⁷⁸, такая же практика сложилась и на Тульском оружейном заводе⁷⁹. Примером более сложной избирательной практики можно назвать и опыт завода «Поставщик», где выборы были двухступенчатыми⁸⁰. Иногда в процессе развития шло стихийное изменение форм и методов формирования комитетов. Так, обсудив на общем собрании порядок выборов в заводской комитет, рабочие Симоновского механического завода решили усовершенствовать его. Первоначально комитет формировался напрямую всеми рабочими предприятия, в дальнейшем было признано более целесообразным представительство в комитете от отдельных участков и производств завода, что ещё значительнее приближало завком к нуждам рядовых тружеников⁸¹.

Существенные различия существовали также в количественном составе фабрично-заводских комитетов⁸². На Коломенском заводе, по воспоминаниям большевика-фаб-

завкомовца Петухова, в ФЗК входило всего 9 человек⁸³. В то же время на Бромлее количество членов комитета достигало 30⁸⁴, а на Военно-артиллерийском 200 человек⁸⁵.

Первоначально даже само название «фабрично-заводские комитеты» не было общепризнанным. Оно укрепилось в уже потом, переключившись в сознание масс из манифестов и листовок. До этого же организации рабочего самоуправления могли носить самые разные названия. На оружейном заводе Тулы первое время действовал по старинке совет старост⁸⁶. На фабрике Райковской мануфактуры Иваново-Кинешемской промышленной области органом самоорганизации выступало собрание рабочих депутатов, а при фабрике т-ва Сенькова Пучежского посада работал Совет рабочих депутатов, совмещая фабричное и территориальное управление⁸⁷. Одновременно территориальные и заводские проблемы решал комитет рабочих Кашина в Костроме⁸⁸. На фабрике т-ва «П. Малютина сыновья» действовал заводской комитет рабочих депутатов⁸⁹, которому предшествовал Совет, также распространявший свою деятельность на город Раменок, на территории которого фабрика располагалась⁹⁰. Временный исполнительный комитет выполнял функции органа рабочей самоорганизации на Воскресенской мануфактуре в Нарофоминске⁹¹. На Мышенском заводе Тульской губернии орган рабочего самоуправления назывался просто завкомом⁹². На Тульском патронном заводе действовал Центральный заводской комитет, а также цеховые комитеты рабочих⁹³. Правлением коллектива именовали свой комитет рабочие т-ва Долматовской мануфактуры бумажных изделий, расположенной вблизи города Кинешмы⁹⁴. На фабрике т-ва на паях мануфактур А. Толчеевского и И. Трушина орган рабочего самоуправления в документах обозначался по-разному: месткомом, местным комитетом или даже просто комитетом⁹⁵. Та же ситуация была и на фабрике т-ва Шуйской мануфактуры⁹⁶. А вот на фабрике т-ва Шуйско-Тезинской мануфактуры местная организация рабочих так и функционировала под названием фабрично-заводского комитета, но поначалу это было скорее исключением, чем правилом⁹⁷. Такая же многоголосица в названиях звучала и в главном форпосте революции ЦПР – Москве. На предприятии бр. Крамер за местным органом рабочего представительства закрепилось название фабрично-заводского комитета Совета рабочих депутатов, на Военно-артиллерийском – Совета уполномоченных, а на Военно-промышленном – совета старост и т.д.⁹⁸

О стихийности и самостоятельности рабочей самодеятельности в первый период революции говорит и такой немаловажный факт, как существование большего числа распорядков, правил, уставов и прочих регламентирующих деятельность фабзавкомов документов, разработанных непосредственно рабочими. Подобные свидетельства нормативного творчества трудовых коллективов отразились в архивных материалах Тульского пулеметного⁹⁹ и оружейного¹⁰⁰ заводов, существовали регламентирующая документация у рабочих Цинделевской мануфактуры, Московского капсульного завода, фабрики Оловяшников, «автономные правила» были разработаны печатниками Москвы и Московского региона, на большинстве других заводов и фабрик ЦПР¹⁰¹. Какую-то организованность, структурность, по свидетельству членов и сотрудников ЦБ ФЗК, фабзавкомы обретают значительно позже, когда ЦБ ФЗК разработало и приступило к распространению проекта единого Устава рабочего комитета, в соответствии с которым начинают приводить уставы фабзавкомов на местах¹⁰².

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что первоначально фабзавкомовское движение представляло собой хаотичную, постоянно меняющуюся картину революционной вольницы низового пролетарского самоуправления. Разумеется, различные политические партии с самого начала революции активно предпринимали всё, чтобы фабзавкомы находились в сфере их влияния. Большевицкое руководство, к примеру, предприняло первую попытку

наладить своё лидерство над деятельностью низового рабочего представительства уже 27 февраля 1917 г., в листовке ЦК РСДРП (б) призвав рабочих «приступить немедленно на заводах к выборам в заводские комитеты»¹⁰³. Затем тот же лозунг 1 марта 1917 г. продублировали московские большевики, заодно порекомендовав организовываться по районам¹⁰⁴. Со схожими призывами к рабочим в первые недели революции неоднократно обращались и меньшевики¹⁰⁵. По их мнению, «революционные толпы» были «должны превратиться в революционные организации», к оформлению которых и следовало приступить с «лихорадочной последовательностью»¹⁰⁶. Уже 4 марта 1917 года в первом же номере газеты «Вперёд», органе московской меньшевистской организации, в передовой статье «Рабочие, организуйтесь» ставилась задача: «Надо покрыть Москву густой сетью рабочих организаций... Фабрично-заводские комитеты рабочего представительства и их районные советы, как опора для общегородского Московского Совета рабочих депутатов»¹⁰⁷. Пыталась взять под свой контроль самостоятельные рабочие организации и буржуазия, и даже Временное правительство, о чём свидетельствует вся государственная политика в рабочем вопросе до и после принятия закона о комитетах от 23 апреля 1917 г.

Проблема влияния партий на фабзавкомовское движение всегда была центральной для отечественной историографии, однако в ней она рассматривалась исключительно в связи со сроками и темпами большевизации фабзавкомов¹⁰⁸. Вероятно, ни один исследователь напрямую не задался вопросом, а поддавалась ли в принципе в тот момент народная стихия, организационно проявившись в возникновении и становлении фабзавкомов, какой-либо организующей воле, исходящей из одного или нескольких политических центров? Подчинить эту вольницу чьему-то влиянию было крайне сложно, подчас невозможно. Приводимые же в литературе факты партийного (прежде всего большевистского) влияния на первых этапах развития фабзавкомов отнюдь не характеризуют всего процесса в целом. Так, В. И. Селицким собраны очень интересные данные по газете «Правда», согласно которым в марте 1917 г. среди рабочих Путиловского завода расходилось до 1000 экземпляров этой газеты, на фабрике «Скорород» – 300, на Молитовской фабрике в Канавине – 200¹⁰⁹. Но, во-первых, общий тираж «Правды» тогда был 100 000 экземпляров, поэтому приводимые автором данные статистически малы для оценок (1-2%), во-вторых, численность рабочих на том же Путиловском была более 26 000 человек, и нет свидетельств, что большевистские и прочие газеты доходили до всех из них, в-третьих, *эти цифры показывают лишь агитационную мощь аппарата той или иной партии, а вовсе не результат пропаганды*. Ещё менее убеждают цифры роста партий, хотя бы потому, что высокая численность не являлась залогом успеха. Так, одна из сильнейших ячеек большевиков существовала на заводе бр. Бромлей, однако при организации завкома рабочие предпочли самостоятельно определить структуру и задачи своих органов самоуправления, большевистские же представители в завкоме длительное время были в меньшинстве¹¹⁰. В целом же в феврале 1917 г., когда процесс возникновения фабзавкомов уже разворачивался, численность только-только вышедших из подполья московских большевиков не превышала 600 человек, ещё малочисленней были и другие политические группы¹¹¹.

Словом, воля организовать «рабочую стихию» у политических деятелей периода революции была, и этот факт имеет широкое отражение в последующей историографии. Однако сами рабочие вовсе не спешили откликнуться на призывы, идущие «сверху», из чужой им среды политизированной интеллигенции. В этом плане нам представляется важным вывод, к которому в одном из своих исследований приходит В. П. Булдаков. Он полагает, что об отсутствии планомерности в организации фабзавкомов и о слабости влияния извне на этот процесс свидетельствует уже то немаловажное, но мало понятое исследователями обстоятельство, что в общероссийском масштабе рабочие объединялись по революционным меркам существенно

более медленно крестьянства. Правда, трудно согласиться с автором, что объединительные процессы в его среде были *инспирированы* эсерами, но фактор внешнего воздействия на первых этапах революции здесь существеннее и очевиднее¹¹².

Скорее можно констатировать обратный процесс влияния рабочего самоуправления на позиции отдельных партий. Если партиям и политическим течениям и удавалось склонить тот или иной фабзавком на свою сторону, то только при совпадении целей и установок. И. Батышев приводит пример успеха такой тактики, когда при прямой поддержке большевистской заводской первички фабком добился повышения зарплаты работницам и чернорабочим на Военноартиллерийском заводе. Большинство женщин и чернорабочих предприятия вскоре оказались самыми надёжными приверженцами большевиков¹¹³. Другой случай, рассказанный Батышевым, ещё более показателен. Вот как он рассказывает о выбранной большевиками тактике, когда тем понадобилось провести своих людей в завком: «...договариваемся о перевыборах завкома. Мотивы перевыборов выдвинули такие: в *завкоме мало представлено рабочих*, он не обеспечивает выполнения самых насущных требований, слабо вникает в повседневную жизнь завода»¹¹⁴.

Таким образом, отмечая рост большевистского влияния в фабзавкоммах, исследователи должны признать и то, что партийные лозунги большевики часто заменяли лозунгами рабочего самоуправления и завоёвывали большинство не только как представители партии, но и как наиболее авторитетные рабочие данного предприятия. Что именно авторитет, а не партийная принадлежность, был важнейшим при выборе комитета, признавал и сам Батышев¹¹⁵.

В одной из своих работ Л. Гапоненко приводит пример, который, казалось бы, свидетельствует об обратном. Она пишет о том, как на своём заседании 11 марта 1917 г. завком фабрики «Шеврохром» принимает решение, согласно которому фабком является ячейкой РСДРП(б). Однако, на самом деле этот случай стоит в том же ряду, что и названные И. Батышевым. Рабочие сами, добровольно приняли соответствующее организационное решение – поддержать близкую им по лозунгам политическую партию. Разумеется, большевистская партия, заинтересованная в росте своих рядов и влияния, не могла возражать и бороться против такого волеизъявления шеврохромовского рабочего комитета. Очень трудно представить себе обратный случай, а именно, чтобы большевистский (меньшевистский, анархо-коммунистический, синдикалистский, эсеровский и т.п.) комитет партии какого-нибудь завода вдруг провозгласил себя фабзавкомом и рабочие приняли бы это.

В принципе же на протяжении всего революционного периода, как после февраля, так даже и после октября, фабзавкомы проявили неожиданный иммунитет к любому внешнему влиянию. В этом смысле не безынтересно остановиться и на популярнейшем лозунге периода революции об установлении рабочего контроля над производством. Вопреки распространённому мнению, приписывающему его авторство большевикам, этот лозунг не содержался в программах политических партий и первоначально формировался в рабочей среде, а уже потом подхватывается радикальными социалистическими группировками. Требование рабочего контроля над производством, время от времени стихийно появлявшееся и в первые недели революции, становится центральным пунктом к середине апреля 1917 г., и лишь месяц спустя оно было официально закреплено I Петроградской конференцией фабзавкомов¹¹⁶. Впрочем, дело нельзя трактовать и так, что рабочие были совершенно невосприимчивы к партийной агитации, а сама партийная идеология строилась лишь под воздействием импульсов, идущих снизу. Чем мощнее становились партии, тем активнее вмешивались они в процесс формирования настроений масс. Но процесс этот никогда не являлся односторонним, а имел чётко выраженный комбинированный характер¹¹⁷.

3. Фабзавкомы и национальное в революции 1917 года

В отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения о причинах значительно более быстрого и широкого развития рабочего движения в году 1917 по сравнению с годом 1905, появления таких массовых и широко распространенных рабочих организаций, как фабзавкомы. Называются и приобретенный рабочими за прошедшие со времени первой революции годы опыт, и разработка Лениным теории социалистической революции, и революционизирующее воздействие войны, и существование у рабочих к тому времени зачатков рабочей самоорганизации в виде рабочих секций при ВПК, профсоюзов, больничных касс, кооперации, стачкомов, старостата и прочих аналогичных организаций, и даже развитие в России монополистического капитала. Применительно к 1917 г. называются такие причины, как организаторская деятельность большевиков, саботаж или бегство предпринимателей, недостатки организационной структуры профсоюзов, препятствовавшей объединению рабочих одного предприятия¹¹⁸.

Действительно, часть из перечисленных обстоятельств могла так или иначе отразиться на процессе возникновения либо дальнейшего становления фабзавкомовского движения, но и она нуждается в серьёзном переосмыслении. Во-первых, численность существовавших в годы войны и до неё рабочих организаций была невелика, а связи этих структур с рабочими массами оставались достаточно ограниченными. Сами по себе они ещё не могли стать опорой для того всплеска рабочей активности, которым сопровождалась революция 1917 г. Во-вторых, влияние капиталистической фабрики на самоорганизацию рабочих носило далеко не один лишь положительный характер. Ещё в начале века в политических дискуссиях внутри российской социал-демократии высказывалось справедливое мнение, впоследствии полностью проигнорированное в отечественной историографии как антиленинское, что угнетение здесь дополняется *казарменной* дисциплиной и *разобщённостью*, основанными на конкуренции между рабочими, – ни то, ни другое не то что не способствовало возникновению в рабочей среде навыков самоорганизации, а существенно тормозило их развитие¹¹⁹. Влияние же войны тоже могло дать рабочим мало чего положительного, кроме растущего радикализма, но *радикализм сам по себе никогда не ведёт к проявлению созидательных инициатив*.

Наконец, вряд ли правомерно сравнивать ситуацию, в которых действовали рабочие организации в 1905 г., с той, которая складывается в 1917 году. Известно, что фабрично-заводские комитеты существовали и в период революции 1905-1907 гг., и что уже тогда их создание приветствовалось российской социал-демократией¹²⁰. Но, как признавали некоторые современники, в частности один из лидеров Центрального Совета ФЗК Петрограда Н. Скрыпник, «рабочие комитеты 1905-1907 ... явление совершенно другого порядка, чем заводские комитеты, которые существуют в настоящее время»¹²¹. Различие между рабочими комитетами 1905 и 1917 г., которое очень чутко почувствовали участники событий, определялось различиями в характере самих революций. Между двумя русскими революциями существовала принципиальная разница, заключающаяся в *факторе падения в 1917 г. самодержавия*¹²². Разрушение господствовавшей многие десятилетия государственной организации самым решительным образом повлияло на условия развития рабочего самоуправления. Именно в этом следует искать причины такого быстрого, по сравнению с 1905 г., и более массового и глубокого развития рабочих организаций в 1917 г.

Теперь, с крахом царизма, прежде подавляемая инициатива гражданского общества получает полный простор для самореализации. Начинается бурное развитие органов местного самоуправления,

в том числе и пролетарского. Отмечаемое всеми исследователями 1917 г. массовое развитие фабзавкомов, как представляется, было одним из проявлений *революции самоуправления*, о которой говорилось выше. Причём, одним из наиболее массовых и глубинных её проявлений. Поскольку же падение самодержавия кроме всего прочего означало ещё и кризис центральной власти, то подобное усиление организаций местного самоуправления носило положительный характер. На период, пока государство не восстановило свою значимость, самоуправление было естественной альтернативой хаосу и развалу. В том, что развитие событий не пошло по худшему сценарию, большая заслуга принадлежит гражданским общественным институтам, в том числе и органам самоуправления рабочих. Начавшись, процесс их образования шел уже лавинообразно, быстро заполняя вакуум власти, образовавшийся в системе «человек-общество» после обвального кризиса и обрушения империи, цементируя то, что ещё представлялось возможным спасти от окончательного разложения.

Но откуда же рабочее самоуправление взяло силы для столь стремительного развития? Представляется, что в 1917 г. расцвет рабочего самоуправления происходит не на пустом месте. Переходу пролетариата к самоуправлению способствовали традиционные для России стереотипы социального поведения. И если в деревнях сразу же после падения царизма сходь старост восстанавливают в правах традиционный крестьянский мир¹²³, то в фабрично-заводских цехах национальное начало пробивает себе дорогу как раз через деятельность рабочих, фабрично-заводских комитетов.

Следует подчеркнуть, что, говоря о национальной специфике фабзавкомов, рабочего самоуправления в целом, мы имеем в виду содержание, а не форму. Форма же как раз была в значительной мере интернациональной: схожие кризисные процессы, вызванные мировой войной, повсюду в Европе привели к образованию организаций, внешне тождественных фабзавкомам¹²⁴. Об этой множественности возникших тогда в воюющих державах фабрично-заводских организаций много писала в 1917-1918 гг. российская фабзавкомовская печать. В ней публиковались сообщения об инициативах «братьев по классу» в США, Испании, Японии и других государствах¹²⁵. Обобщался зарубежный опыт и на конференциях фабзавкомов. Например, на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов о производственных советах Германии докладывал Ю. Ларин¹²⁶. Но уже тогда настрой провести если не полную аналогию, то хотя бы частичную параллель между российскими и зарубежными фабзавкомами во многом *был преодолен* - слишком разными путями шли рабочие разных стран к своим новым организациям¹²⁷.

В западной науке наличие национальных особенностей в путях формирования и характере рабочих объединений разных стран - пусть и не повсеместно, но признанный факт. Об этом пишет, например, один из крупнейших авторитетов в области изучения демократических институтов Д. Сцелл. В качестве исторического фундамента для рабочих союзов в Западной Европе он называет городскую цеховую структуру средневекового ремесла¹²⁸. В своих подходах Сцелл не одинок. Созвучные мотивы можно видеть в очерке истории европейского рабочего класса В. Абендона¹²⁹. То же касается и историков, описывающих события в конкретных странах, в частности революционное рабочее движение 1917 г. на Британских островах. По их оценкам, во всех выступлениях рабочих в то время, будь то стихийные вспышки или широкое движение шопстюартов, так или иначе проявилось глубокое национальное своеобразие английского рабочего движения¹³⁰. Характерно, что само слово шопстюарт (англ. shop-stewards), обычно трактуемое в отечественной литературе как «заводские старосты», на самом деле переводится как «управляющий цеха (мастерской)», что уже само по себе показывает различие между двумя вроде бы похожими институтами фабричного старостата, по крайней мере, различие в их восприятии рабочими Англии и России. Не случайно получившие в первой

четверти XX века в Англии теории «самоуправленческого» социализма назывались теориями **гильдейского социализма**. Идеалом для молодых интеллектуалов, выдвинувших эти идеи, были национальные особенности развития британского рабочего класса, уходящие корнями в цеховое, гильдейское средневековье¹³¹. Очень интересно в этой связи напомнить и позицию лидера российского крестьянского социализма В. М. Чернова. В своём главном теоретическом труде по теории социализма, уже в эмиграции обобщая опыт и всемирное значение революции 1917 г., он писал, что «гильдейский социализм» – понятие чисто английское, и что понять его можно только принимая в расчёт экономические, политические и даже культурно-исторические условия Англии, что он является дальнейшим логическим развитием «старо-английского индивидуализма»¹³².

Такую же картину рисуют специалисты по истории Германии, Италии, Франции и других стран¹³³. Важно отметить, что признают западные историки и специфику рабочего движения России¹³⁴, в том числе влияние на неё национальных, общинных корней¹³⁵. Особенно показательно сравнение России 1917 г. с революционной Испанией 1936-1939 гг. Эти две европейские державы объединяет очень многое. И там, и там в момент революции народы находились на марше от аграрного общества к индустриальному. И там и там была высока роль религии и прочих институтов традиционализма. Обе страны отстали в своём экономическом развитии в результате неблагоприятной внешнеполитической ситуации. Всё это, казалось, предполагало, что и формы революционного самоуправления в этих странах проявят много общих черт. И действительно, в годы революции в Испании возникают органы самоуправления фабзавкомовского типа – «ассамблеи» и т. и. Но в Испании в основе рабочего и даже крестьянского самоуправления лежали опять-таки индивидуалистические начала. Это вело к разобщённости, часто преуспевающие коллективы не желали помогать отстающим, конкуренция существовала не только между разными коллективами, но и в отношениях рабочих одного коллектива¹³⁶. В России же подобное если и встречалось, то в исключительных случаях и подвергалось моральному осуждению¹³⁷. Как ни запугивали руководители профсоюзов рабочих неизбежной рознью между фабзавкомом отдельных предприятий в случае поступательного развития рабочего контроля над производством, в ощутимых масштабах это явление так и не возникло.

Таким образом, главным в специфике фабрично-заводских пролетарских учреждений Запада была их кровная связь с цеховыми традициями средневековья. Поэтому там развитие рабочего движения шло от индивидуализма к корпоративизму. На этом пути западноевропейские фабзавкомы являлись хотя и важным, но не последним шагом. Отсюда и слабость этих органов, склонность к местничеству и компромиссам. Их дееспособность определялась прежде всего зрелостью пролетарского движения, а не какими-либо привносимыми факторами общекультурного плана.

Иначе дело развивалось в России. Основой здесь изначально выступал не индивид, а локальное общество, коллектив¹³⁸. Традиции же коллективизма уходили корнями в русскую земельную общину, что уже в XIX веке стало осознаваться представителями русской интеллигенции, такими, как Н.А. Карышев¹³⁹, А. Н. Энгельгардт¹⁴⁰, И. И. Каблиц и др.¹⁴¹ Даже такой последовательный приверженец насильственным формам преобразования общества, как П. Ткачёв, писал: «Каковы же общественные идеалы нашего народа. . . Его общественный идеал – самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не право частного владения землёй, круговая порука, братская солидарность всех членов общины – одним словом, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком»¹⁴². Важную роль общины, коллективизма признавали и общественные деятели, далекие от коммунистических увлечений Ткачёва. Так, автор фундаментального труда об особенностях русской нацио-

нальной экономической модели князь Васильчиков видел в общине будущее развитие свободной России, хотя и считал её вершейшей «прививкой от коммунизма»¹⁴³.

Важно, что уже тогда экономисты задумывались над проблемой трансформации общинных традиций и приспособлении их к условиям современной промышленности, к стоящим перед Россией потребностям социально-экономической модернизации. «Общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства... – полагал, к примеру, экономист Н. Даниельсон, – научное земледелие и современную крупную промышленность нам приходится прививать к общине и, в то же время, настолько изменить её, чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной русской промышленности и для преобразования её из капиталистической формы в общественную»¹⁴⁴.

Не только славянофилы, а за ними и народники считали основой российского общества этот социальный институт, но и К. Маркс видел путь России к социализму через общину. Ему, в частности, принадлежит следующее высказывание: «Если революция (в России) произойдёт в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя *вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя*»¹⁴⁵. Как противники, так и сторонники общинности признавали, что традиции мира пронизывают всё российское общество, и в этом видели своеобразие русского исторического пути.

Но насколько правомерно говорить об общинном влиянии на поведение российского пролетариата в условиях, когда страна уже давно входила в первую десятку наиболее развитых промышленных государств, причём имея самую высокую концентрацию пролетариата в мире? Русские ученики и последователи Маркса, к примеру, не готовы были признать столь далеко идущих оценок своего учителя. Известна почти детективная история, как верхи русской социал-демократии пытались скрыть от партии рукопись Маркса о важной роли общины. Г. Плеханов и В. Засулич не только умолчали о ней, но и всегда отрицали её существование. Рукопись «нашлась» только в 1923 г., хотя есть данные, позволяющие говорить, что с её содержанием были знакомы Д. Рязанов, Н. Бухарин и, видимо, другие вожди¹⁴⁶.

На наш взгляд, правы были всё же К. Маркс, А. Хомяков, П. Ткачёв, В. П. Воронцов и другие деятели, видевшие и понимавшие подлинную роль русской общины для истории государства¹⁴⁷. Сила влияния её традиций на революционное движение русских рабочих в 1917 г. может быть объяснена не только некими «ментальными особенностями» русского народа (на чём мы ещё остановимся подробнее ниже), но и вполне материалистическими фактами, а в частности, теми глубокими и всесторонними связями, которые существовали между рабочими и их крестьянскими корнями. У российского же крестьянства историческая традиция общинности и коллективизма не прерывалась никогда, что нашло широкое отражение в литературе, в том числе в развивающейся в последнее время теории «общинной революции» применительно к революции 1917 г.¹⁴⁸ И если посмотреть на влияние русского села на городской пролетариат не с классово-экономической, а цивилизационной точки зрения, обнаружится, что многие действия рабочих в период кризиса 1917 г. продиктованы традиционными для России навыками коллективизма.

Не следует вообще упускать из виду тот факт, что революция не замыкалась одним Петроградом с его мощными профсоюзами западного типа и прочими атрибутами «индустриализма» и «либеральной просвещённости». Как писали по этому поводу Н. Бухарин и Е. Преображенский: «не все рабочие таковы, как в Питере». И поясняли свою мысль самым недвусмысленным образом: «Много есть рабочих, совсем ещё недавно пришедших в город. Они во многом думают так же, как и крестьяне, и *вместе с ними ошибаются*». Своё неудовольствие

по этому поводу Н. Бухарин и Е. Преображенский поясняли тем, что «само собой разумеется, что это обстоятельство ... затрудняет осуществление *наших задач*»¹⁴⁹.

Не могло не сыграть свою роль и широкое распространение перед революцией *артельного движения*. В 1915 г. Министерство торговли и промышленности распространило «Справочник об артелях трудовых». Справочник этот был далеко не полным: он включал в себя лишь артельные предприятия, имевшие официально утверждённый устав, тогда как большинство российских артелей в этот период по старинке действовало без всяких уставов. В справочнике значилось 507 артелей, из которых наибольшее количество было за артелями грузчиков и крючников – 53, за ними шли посыльные и носильщики – 31, строительные рабочие – 25, маляры – 24. Отдельно значились производственные товарищества: 29 – транспортников, 29 – по обработке металлов и изготовлению орудий и машин, 28 – по изготовлению одежды, 27 – по обработке дерева, 19 – ювелирных, 15 – сапожных, 8 – переплётные и типографские. Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых на первом месте шли сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9, столярные – 6. Были в этом справочнике названы также артели чертёжников, техников, землемеров, монтеров, водопроводчиков, газетчиков, бухгалтеров, конторщиков, театральных капельдинеров, парикмахеров, дворников, полотеров, печников, портняжных и т. д.¹⁵⁰.

Герцен называл артели передвижными общинами. И это была не просто метафора. Артели строились по схожим принципам, что и крестьянский мир. По наблюдению А. Н. Энгельгардта, артель, подобно общине, позволяла соединить личный хозяйственный интерес с навыками коллективной организации труда¹⁵¹. Значительное количество рабочих успело до революции пройти эту школу трудовой самоорганизации.

Общинно-артельные корни значительного процента промышленных рабочих являлись как бы непосредственной базой оживших в рабочей среде в переломный момент традиций трудовой демократии и самоорганизации. Рабочим, противостоящим попыткам фабриканта закрыть предприятие или уволить недовольных, не приходилось долго раздумывать, как организовать себя для самозащиты. От одной до двух третей рабочих с детства усвоили основные механизмы деятельности самоуправления в их общинно-артельном варианте. Самоуправление в условиях новейшей капиталистической фабрики, естественно, не то же самое, что саморегулирование в условиях полунатурального крестьянского хозяйства, но психологическая и генетическая связь между российским пролетариатом и деревенским миром была жива и оказывала своё влияние.

В этой связи важно коротко упомянуть ещё одно обстоятельство, не увиденное историками, но точно угаданное царскими властями: «Положение о выборах в Государственную Думу» от 3 июня 1907 г. в пятой главе содержало особый раздел – «*О производстве выборов уполномоченных на волостных сходах, станичных сборах и от рабочих на фабриках и заводах*». Отдельные параграфы, содержащиеся в нём, однотипно рисовали механизмы самоорганизации и для сельского схода и для рабочего коллектива. Процесс формирования гражданского общества как бы получал национальную окраску. Законодатель закреплял существующую практику, лишь косметически подгоняя её под требования нового парламентского уклада власти. Из анализа этих положений закона вытекает два вывода. Во-первых, в начале века параллели между общиной и рабочей самоорганизацией были столь глубоки, что нашли воплощение в законах империи. Во-вторых, участие в выборах в четыре Думы закрепили в сознании даже тех рабочих, кто имел слабую связь с селом, уже выверенные законодателями нормы формирования представительства. Сочетание социальной памяти с социальными навыками и послужило той питательной средой, которая позволила рабочему представительству 1917 года занять своё важное место в революционном потоке.

Характерно, что консерваторы из царского окружения, пусть и в усечённом виде, закладывали в закон такие положения, которые напрочь отсутствовали в программах российских либеральных оппозиционеров. Парадоксально, однако, что то же самое можно сказать и о традиционалистских группировках. Они либо отделялись общими положениями о развитии «национального народного труда», как это делала Русская монархическая партия, либо, как в платформе Союза русского народа на выборах во II Государственную думу, включали несколько второстепенных пунктов о развитии рабочих и промышленных артелей и товариществ. Впрочем, это вряд ли следует считать случайным – главное богатство страны и главную основу её экономики черносотенцы видели в сельском хозяйстве¹⁵².

При более широком изучении миграционных и других базисных процессов в российском обществе рубежа веков специфика эта может оказаться и не столь уж разительной, а выводы, полученные, например, для Сормова или Вичуги, могут помочь разобраться с социальным движением пролетариата 1917 года не только в ЦПР. Во всяком случае, имеются факты, свидетельствующие о сильном воздействии крестьянских корней на рабочих Российского Черноземья, Поволжья, Урала, да и других регионов страны.

В борьбе за «фабричную конституцию»

4. Задачи выживания

Процесс трансформации низовых рабочих комитетов в органы самоуправления не был единовременным. Не сразу разобрались в природе фабзавкомов и политические лидеры революции. Например В. И. Ленин, один из немногих, кто понимал важность рабочего самоуправления, первоначально представлял рабочий контроль в виде вооруженных отрядов. Вернувшись в Россию, он отдал предпочтение Советам, и лишь на рубеже мая – июня начинает признавать возможность самоуправления непосредственно на производстве – через профсоюзы и фабзавкомы¹⁵³. То есть первоначально Ленин видел движение за рабочее представительство в западноевропейском его понимании – как орудие давления на буржуазию.

Переориентации на фабзавкомы Ленина и других наиболее радикальных деятелей тогдашнего политического спектра способствовало два обстоятельства. Первое из них носило чисто внешний характер и было связано с той не очень радужной для радикалов ситуацией, которая складывалась в прочих структурах рабочего движения в первые революционные месяцы. Так, рабочая кооперация не ставила перед собой каких-либо производственных задач, всегда выступая в качестве только торгового посредника¹⁵⁴. Что касается профсоюзов, то они, согласно данным отдела труда Моссовета, на конец весны – начало лета 1917 г. были ещё слишком слабы, чтобы «брать на себя руководство экономической борьбой»¹⁵⁵. Сам же Моссовет по своему составу также не мог возглавить борьбу за рабочее самоуправление. Более того, на одном из своих пленумов, состоявшемся 16 июня 1917 г., он принимает решение, по сути направленное против рабочего контроля и заметно осложнявшее развитие самоуправления. При этом подобное решение сложно считать изолированным актом. По мнению современников, оно являлось прямым следствием всей политики соглашательского большинства Моссовета на протяжении весенних месяцев 1917 г.¹⁵⁶ Такой расклад сил, при благоприятном стечении обстоятельств, и мог бы выдвинуть фабрично-заводские комитеты на передовые позиции, поскольку они имели гораздо более широкую социальную базу, чем профсоюзы, более многообразные функции по сравнению с кооперацией и, наконец, были обременены *гораздо меньшей ответственностью*, чем Советы.

Вторым обстоятельством, побуждавшим левые группировки от социал-демократов интернационалистов до анархо-синдикалистов внимательно присматриваться к развитию фабзавкомов, было само их внутреннее развитие, связанное с борьбой рабочих отдельных предприятий за свои экономические и социальные права. Эта борьба получила в отечественной историографии широкое освещение¹⁵⁷, о том, как её динамика и результаты сказывались на становлении фабрично-заводских комитетов в качестве особой, *самостоятельной формы рабочего самоуправления*, речь фактически не велась. В этой связи правомерно возникает вопрос об основных закономерностях и направлениях эволюции фабзавкомов. В каком направлении могло двигаться их развитие и каковы его механизмы?

Большинство исследователей, писавших о деятельности фабзавкомов в марте – апреле 1917 г., сходятся во мнении, что круг направлений деятельности фабзавкомов в этот период был достаточно узок. Предварительные подсчёты показывают: в первые месяцы революции, выполнив свою роль стачкомов¹⁵⁸, лишь около 10-15% заводских комитетов решали вопросы, связанные с управлением и жизнеобеспечением предприятий. Как замечает Д. Мандель, приметой февраля на заводах являлось всего три ключевых требования: удаление неудобных членов прежней администрации, 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты. В понимании

рабочих, эти требования, считает историк, составляли непреложную часть установления революционного порядка¹⁵⁹. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Требования эти имели не только политическую окраску. Можно без особых натяжек утверждать, что в ряде случаев речь шла о выживании целых коллективов рабочих.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее важным, не терпящим отлагательства был вопрос о справедливой оплате труда. Борьбу за выполнение этого требования обостряло два обстоятельства. Первое из них – экономическое. Реальная заработная плата за годы войны упала так низко, а цены поднялись так высоко, что для некоторых категорий рабочих реальной была угроза нищеты. Журнал «Металлист» в те дни писал, что заработок чернорабочих, например, едва покрывал прожиточный минимум, «опускаться ниже которого – значит голодать»¹⁶⁰. В цифровом выражении, по данным комиссии из представителей Московской торговой палаты и Московского отделения Министерства труда, пищевые продукты за годы войны вздорожали на 556%, что на 51% больше роста за тот же период оплаты труда¹⁶¹. По другим данным, составленным экономическим отделом Московского Совета рабочих депутатов, рост цен на промышленную продукцию и товары первой необходимости составил 1109%. Согласно подсчетам П. В. Волобуева и Б. М. Фрейдлина, реальная заработная плата в московской промышленности составляла в среднем 50–60% довоенной¹⁶². В пользу таких выводов говорят данные и по отдельным предприятиям. На металлообрабатывающем заводе Гужона зарплата рабочих составляла всего 53% довоенной¹⁶³.

Вторым же обстоятельством было то, что, выдвигая требование увеличить оплату труда, рабочие тем самым осуществляли своё завоёванное годами нищеты и подневольного положения право на жизнь, достойную рабочего человека и свободного гражданина, о чём прямо писала рабочая печать того времени¹⁶⁴.

Требования повысить зарплату выдвигаются фабриками текстильщиков Орехово-Зуева, Богородска, Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Шуи¹⁶⁵. Столкновения с предпринимателями произошли вокруг этого требования, например, на бумагольноткацкой и аппаратно-отделочной фабрике М. И. Колмазина. Фабрикант отказался повышать зарплату, а заодно выразил несогласие «вносить в кассу общества при клубе рабочих» дополнительные средства. Он попытался закрыть фабрику и обратился за поддержкой в Совет Общества шуйских фабрикантов и заводчиков¹⁶⁶. На защиту рабочих выступил Шуйский исполком СР. и СД., в своём письме рабочим призывавший их добиваться увеличения заработной платы и улучшения условий жизни. Рабочим в результате их активности удалось достичь ощутимых результатов и увеличить размер зарплаты в среднем в два раза. У ткачей она выросла с 30 до 50–58 рублей в месяц, а у слесарей, токарей и кочегаров соответственно с 60–100 до 100–160 руб., с 70 до 120 руб., с 50 до 90 руб. в месяц¹⁶⁷. Потребовали повысить зарплату мастеровые фабрики Кокушкина, о чём её хозяин также жаловался в Шуйское Общество фабрикантов и заводчиков, прося совета¹⁶⁸. Вызвал трения вопрос о зарплате между рабочими и администрацией Тульского патронного завода. На стороне владельцев выступили и служащие предприятия. Конфликт удалось урегулировать лишь после удовлетворения претензий завкома¹⁶⁹. В конце марта – начале апреля требования о повышении заработной платы предъявили рабочие завода Гакентала. Когда хозяин отказался их удовлетворять, он был посажен под домашний арест, под которым ему пришлось просидеть 8 часов. После этого все условия рабочих были выполнены¹⁷⁰.

Не всегда, но такие случаи тоже были, борьба за справедливую оплату труда имела ещё одну подоплёку, кроме борьбы за выживание, о чём свидетельствует ситуация, сложившаяся на заводе Густава Листа. Это был один из немногих заводов, весь период революции, голода и разрухи работавший без существенных сбоев. По мнению самих рабочих, входивших в комис-

сию по подготовке десятилетнего юбилея революции, причина этого была в сознательности основного трудового ядра заводчан¹⁷¹. По заведённому на заводе самими рабочими порядку, их заработок на протяжении всего революционного времени увеличивался в соответствии с ростом производительности труда¹⁷².

Фабзавкомы выступали и против косвенных форм ограничения заработков на своих предприятиях. Решения об отмене штрафов были приняты фабрично-заводским комитетом Шуйско-Тезинской мануфактуры. Когда же администрация попыталась выписывать рабочим штрафы в обход комитета, фабком принял меры репрессивного характера по недопущению впредь ничего подобного¹⁷³. Другой случай произошёл на московской фабрике акционерного общества «Русская электрическая лампа». В июле 1917 г. фабком этой фабрики потребовал от Моссовета ограничить прибыли предпринимателей, подчеркивая, что прибавки к зарплате «не могут улучшить материальное положение рабочих»¹⁷⁴. Таким образом, в требованиях фабрично-заводских комитетов зазвучало посягательство на святая святых капитала – прибыль.

В предпринимательской среде требования рабочих повысить заработную плату были восприняты как проявление «безумных социальных экспериментов» и «рабочего анархизма»¹⁷⁵. Особенно усилилось сопротивление претензиям рабочих к лету 1917 г. Московское общество объединенной промышленности вынуждено было пойти даже на неординарные шаги, разослав всем районным обществам промышленников письмо, в котором требовалось: «Если отдельные фирмы будут в заработках превышать соседние, то против них принять меры, так как это совершенно недопустимо». Обо всех неподчинившихся рекомендовалось «сообщать» правлению Общества¹⁷⁶.

Не меньшую, чем борьба за повышение зарплаты роль в формировании фабзавкомов многие исследователи отводят их организационным усилиям по установлению на производстве 8-часового рабочего дня¹⁷⁷. И действительно, обосновывая необходимость 8-часового рабочего дня, заводской комитет Варшавского арматурного завода заявлял, что 8-часовой рабочий день позволит рабочим принимать участие в деятельности органов рабочего представительства, а следовательно, будет способствовать духовному развитию пролетариата. 8-часовой рабочий день, по мнению членов этого фабзавкома, должен был стать «первой ступенью к прочной сознательной организации»¹⁷⁸. Тот же подход прозвучал в наказе собрания рабочих Замоскворечья 4 марта 1917 г. – то есть в самые первые дни революции. Манifestанты, обращаясь к своим представителям в Советах, подчеркивали, что участвовать в строительстве новой России должен весь народ, а следовательно, работа пролетариев должна оставлять им силы для выполнения их гражданских обязанностей. Поэтому рабочие считали возможным прекратить начатую ранее забастовку и приступить к работе лишь в случае введения 8-часового рабочего дня с сохранением зарплаты и запрещением без чрезвычайной необходимости сверхурочных работ¹⁷⁹.

В вопросе о 8-часовом рабочем дне Московский городской Совет первоначально занял позицию даже более революционную, чем Петросовет. Так, 1 марта 1917 г. он призвал продолжать борьбу, допуская выход на работу лишь тех рабочих, от которых зависело жизнеобеспечение города. Забастовка должна была продолжаться, «по тем соображениям, что победа народа ещё не окончательно закреплена, и прекращение забастовки может повлечь к возрождению старой власти». Но уже 6 марта подход Моссовета меняется. Вопреки настроениям рабочих, руководство Моссовета принимает решение о возобновлении работ 7 марта 1917 г., обставив своё решение различными революционными и патриотическими призывами¹⁸⁰

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.